

Всем, кто любит кота... Боба

Рейчел Уэллс

КОТ ПО ИМЕНИ
Алфи

Подарок от Боба (АСТ)

Рейчел Уэллс

Кот по имени Алфи

«АСТ»

2014

Уэллс Р.

Кот по имени Алфи / Р. Уэллс — «АСТ», 2014 — (Подарок от Боба (АСТ))

ISBN 978-5-457-83870-3

Может ли кот изменить вашу жизнь? После смерти хозяйки Алфи оказался бездомным. Холодные ночи на незнакомых улицах Лондона, голод и одиночество – вот что ожидало домашнего любимца, привыкшего к ласке и комфорту. Алфи мечтал снова почувствовать себя нужным и любимым и не сидел сложа лапы. На пути к своей мечте он помог многим людям обрести веру в себя, встретить настоящую любовь и обрести верных друзей. Алфи – маленький хозяин большой улицы.

ISBN 978-5-457-83870-3

© Уэллс Р., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	22
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Рейчел Уэллс

Кот по имени Алфи

Rachel Wells

ALFIE The Doorstep Cat

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited

Copyright © Rachel Wells, 2014

© Е. Колябина, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Джинджеру, моему первому коту, который разрешал выгуливать себя на поводке и мирился с ролью плюшевой игрушки. Ты давно уже нас покинул, но я никогда тебя не забуду.

Глава 1

– Думаю, мы быстро все упакуем, – сказала Линда.

– Да ты оптимистка, как я погляжу, – откликнулся Джереми. – Только посмотри, сколько хлама скопила твоя мать за все годы, что жила здесь!

– Зачем ты так? – поджала губы Линда. – Она оставила нам несколько чудесных сервизов, к тому же никогда не угадаешь, сколько стоят старые вещи.

Я притворялся, что сплю, но уши мои ловили каждое слово, а хвост, вопреки стараниям, то и дело взволнованно дергался. Я лежал, свернувшись клубком, в любимом кресле Маргарет – точнее, в кресле, которое было ее любимым, – и наблюдал за тем, как ее дочь и зять обсуждают будущее этого дома – и мое. За последние дни случилось столько всего, что я окончательно растерялся. Я не понимал, что происходит, и знал только, что жизнь моя никогда не будет прежней.

– Я бы не слишком на это надеялся, – вздохнул Джереми. – В любом случае стоит вызвать уборщиков. И вывезти весь этот мусор на свалку. – Он обвел комнату выразительным взглядом, не обойдя вниманием и мое кресло.

Я посмотрел на него из-под полуприкрытых век. Высокий, седой и раздражительный Джереми никогда мне не нравился. Линда, напротив, всегда хорошо со мной обращалась.

– А я хотела бы оставить кое-что из маминых вещей. Мне ее не хватает, – дрогнувшим голосом произнесла она и вдруг расплакалась. Я был бы рад поплакать вместе с ней, но счел за лучшее сидеть тихо.

– Знаю, милая... – Джереми смягчился. – Но мы не можем торчать здесь вечно. Похороны закончились, пора подумать о том, чтобы выставить дом на продажу. Если мы разберемся с вещами, то сможем уехать уже через несколько дней.

– У меня просто в голове не укладывается, что ее больше нет, – всхлипнула Линда. – Но ты, конечно, прав. А что будем делать с Алфи?

Я наострил уши. Наконец-то они заговорили обо мне!

– Думаю, его придется отвезти в приют.

От таких новостей шерсть у меня на загривке встала дыбом.

– В приют? Но мама так его любила... – В голосе Линды слышалось явное сомнение. – Мне кажется, это слишком жестоко.

Жестоко?! Это еще мягко сказано!

– Но мы не можем забрать его с собой, милая, у нас же две собаки. Боюсь, это плохо кончится.

Я был вне себя от возмущения. Не то что бы мне хотелось жить с Линдой и Джереми, но приют пугал меня куда больше.

Приют... От одного слова мурашки по коже! На редкость неподходящее название для места, которое мы, кошки, между собой именовали «камерой смертников». Может, паре котов и повезло попасть оттуда в новые семьи, но кто знает, что случилось с ними потом? Где гарантия, что хозяева хорошо с ними обращались? Все мои знакомые коты сходились во мнении, что от приюта добра не жди. И мы прекрасно понимали, что тем, кого не заберут в новую семью, грозит смерть.

Конечно, я считал себя достаточно привлекательным и не лишенным обаяния котом, но рисковать не хотелось.

– Ты прав, собаки его живьем съедят, – пробормотала Линда. – К тому же в приютах в наши дни не так-то плохо. Да и вряд ли Алфи там задержится. – Она замолчала, словно сама не до конца верила в то, что говорит. – Нет, других вариантов я не вижу. Утром позвоню в приют и в компанию по уборке. А потом можно будет связаться с агентом по недвижимо-

сти. – Из голоса Линды ушли последние нотки сомнения, и я понял, что судьба моя predetermined.

Если, конечно, я не возьму ее в свои лапы.

– Так-то лучше, – ободряюще улыбнулся Джереми. – Я понимаю, что тебе тяжело, но, Линда, будем откровенны: учитывая возраст твоей матери, случившегося стоило ожидать.

– От этого, знаешь ли, не легче.

Я прикрыл уши лапами. От услышанного голова шла кругом. Две недели назад я потерял свою хозяйку – единственного человека, которого знал. Моя жизнь перевернулась, сердце разбилось, а теперь я, судя по всему, еще и стал бездомным. И что прикажете в такой ситуации делать коту?

Я всегда был до крайности домашним. Я не сбегал по ночам на улицу, меня не тянуло охотиться и гулять по крышам с другими котами. Зачем, если есть мягкие хозяйкины колени, миска с едой и теплое место для сна? Еще недавно у меня была семья. Но теперь я ее лишился и впервые остался совсем один.

Сколько себя помню, я всегда жил с хозяйкой Маргарет в этом маленьком доме. Еще с нами жила Агнес – пожилая кошка, которая была мне как старшая сестра или, скорее, тетушка. Когда год назад Агнес отправилась в кошачий рай, я ужасно страдал и не думал, что смогу оправиться. Но Маргарет была рядом; мы оба обожали Агнес, оба тосковали по ней всей душой и после ее смерти разделили горе на двоих.

И вот недавно я узнал, какой невероятно жестокой может быть жизнь. Две недели назад Маргарет не встала утром с кровати. Я понятия не имел, в чем дело, поэтому поступил, как все коты: лег рядом с хозяйкой и принялся громко мяукать. К счастью, в тот день к Маргарет должна была прийти медсестра (она навещала ее раз в неделю). Услышав звонок, я скрепя сердце оставил хозяйку и выскользнул на улицу сквозь кошачью дверцу.

– Господи, что случилось? – встревоженно пробормотала медсестра, услышав мои истошные вопли. Когда она снова нажала на звонок, я аккуратно потрогал ее лапой, пытаясь привлечь внимание. Открыв дверь запасным ключом, медсестра вошла в дом и обнаружила безжизненное тело Маргарет. Пока она звонила кому-то по телефону, я неотступно сидел возле хозяйки, уже понимая, что она покинула меня навсегда. Потом какие-то люди пришли забрать Маргарет, и я снова начал громко мяукать. После их ухода я остался дома совсем один – и наконец понял, что моя жизнь уже не будет прежней. В тот вечер я мяукал, пока не охрип.

Джереми и Линда продолжали разговаривать, но я тихо спрыгнул с кресла и шмыгнул на улицу. Я побродил вокруг в надежде встретить знакомых, чтобы спросить у них совета, но время близилось к обеду, и все они сидели по домам. Тогда я направился к Мэвис, доброй и мудрой кошке, которая жила по соседству. Сев возле двери ее дома, я громко мяукнул. Из всех окрестных кошек она первая узнала, что Маргарет умерла – увидела, как выносят тело, и пришла меня поддержать. Мэвис была похожа на Агнес; в тот вечер она позволила мне плакать, пока не закончились слезы. И делилась со мной едой и молоком до приезда Линды и Джереми.

Услышав мое мяуканье, Мэвис высунулась из кошачьей дверцы, и я объяснил, что случилось.

– Значит, к себе они тебя не возьмут? – спросила она, глядя на меня грустными глазами.

– Нет. У них две собаки, а мне не очень-то хочется жить в одном доме с собаками.

Мы с Мэвис единодушно вздрогнули при мысли об этом.

– А кому бы хотелось? – сказала она.

– Вот только теперь я не знаю, что делать, – пожаловался я, изо всех сил стараясь не расплакаться. Мэвис села рядом. До недавнего времени мы не были особенно близки, но в трудную минуту она позаботилась обо мне, и я был благодарен ей за дружбу.

– Алфи, не позволяй им сдать тебя в приют, – твердо сказала она. – Я бы сама о тебе позаботилась, но не могу. Я уже немолода, и сил у меня осталось мало, а моя хозяйка – почти ровесница Маргарет. Придется тебе самому искать новую семью. – Она потерлась носом о мою шею.

– Но как это сделать? – спросил я. Никогда еще я не чувствовал себя таким испуганным и растерянным.

– Хотела бы я знать ответ, – вздохнула Мэвис. – Помни, чему научила тебя жизнь за последние дни, и будь сильным, Алфи.

Мы потерялись носами, и я понял, что пора идти. Я в последний раз скользнул в знакомую кошачью дверцу и обошел дом, который еще недавно был таким родным. Я старался подметить каждую черточку, чтобы забрать воспоминания в дорогу – я надеялся, что в трудные минуты они придадут мне сил. Я смотрел на безделушки и сувениры, которые Маргарет ласково называла «сокровищами»; смотрел на висевшие на стенах картины, словно видел их в первый раз; смотрел на ковер, потрепанный в тех местах, где я точил о него когти в бытность свою несмышленым котенком. Это был мой дом, а я был его котом. Теперь же я понятия не имел, кто я и чей.

Горе лишило меня аппетита, но я заставил себя поесть (в конце концов, я понятия не имел, когда пообедать в следующий раз), после чего окинул прощальным взглядом жилище, где мне было так уютно и тепло. Я вспомнил, чему научил меня этот дом, какая любовь грела меня в его стенах, какие горести он встретил вместе со мной. Я появился здесь крохотным котенком; поначалу Агнес не желала признавать незваного гостя полноправным жильцом. Но я сумел завоевать ее сердце, а для Маргарет мы всегда были самыми дорогими кошками на свете. Я подумал, как мне повезло четыре года назад, когда хозяйка выбрала меня. Но теперь моя удача, очевидно, подошла к концу. Уже тоскуя по единственной жизни, которую знал, я смотрел в будущее с нескрываемым ужасом. И готовился к прыжку в неизвестность.

Глава 2

Откровенно говоря, я слабо представлял, что меня ждет, но понимал, что лучше уж рассчитывать на себя и свои слабые силы, чем на приют. А еще я знал, что не выживу на улице: мне нужен дом и любящие хозяева, на коленях у которых можно будет уютно свернуться и подремать. Я не собирался привыкать к одиночеству и поставил перед собой четкую цель в надежде, что она придаст мне сил.

Оставив родной дом позади, я пошел вперед, ведомый кошачьим чутьем. Прежде я редко выходил на улицу по вечерам, и сгущающаяся темнота пугала меня. Впрочем, острое зрение и чуткий слух были со мной, и я убеждал себя, что все будет в порядке. А звучащие в голове родные голоса Маргарет и Агнес помогали не унывать.

Первая ночь была особенно длинной – и особенно страшной. Когда на небе показалась луна, я нашел на чьем-то заднем дворе сарай (очень вовремя, потому что лапы уже ныли с непривычки и я чувствовал, что силы мои на исходе). Дверь была открыта, и я залез внутрь. Я так устал, что не обратил внимания на пыль и паутину: свернувшись в углу на твердом и грязном полу, я моментально уснул.

Посреди ночи меня разбудил пронзительный вой: в сарай забрался большой черный кот. Его взгляд не сулил ничего хорошего; я подскочил и, хотя лапы у меня подгибались от страха, приготовился защищаться.

– Что ты здесь делаешь? – злобно прошипел черный кот.

– Я искал место, чтобы поспать, – ответил я, надеясь (разумеется, напрасно), что мой голос звучит достаточно уверенно.

Я уже понял, что так просто он меня отсюда не выпустит, поэтому постарался принять грозный вид. Кот недобро ухмыльнулся. Едва я выгнул спину, как он ударил меня когтями по голове. Я взвизгнул от жгучей боли; мне очень хотелось свернуться в клубок, чтобы укрыться от противника, но я понимал – нужно во что бы то ни стало выбираться из сарая. Злобный кот тем временем наступал. Острые когти мелькнули у меня перед носом, но я оказался проворнее. Бросившись к двери, я проскользнул мимо кота, невольно задев его жесткий мех. Он обернулся и снова на меня зашипел. Я фыркнул в ответ и помчался прочь со всех своих маленьких ног. Не помню, как скоро я отважился остановиться. Посмотрев назад, я убедился, что никто меня не преследует. В ту ночь я ощутил вкус опасности в первый, но далеко не в последний раз. Если я хотел выжить, то должен был нарастить толстую шкуру. Вздыхнув, я принялся умыться лапой, чтобы успокоиться и привести в порядок шерсть. Я старался не думать о царапине на голове, хотя она зверски болела. В случившемся были и положительные стороны: я понял, что в случае необходимости могу быть достаточно быстрым и ловким. Мяукнув пару раз от жалости к себе, я побрел дальше; в ночном небе мерцали звезды, а я представлял, что Маргарет и Агнес смотрят на меня сверху. Во всяком случае, мне очень хотелось в это верить.

Через некоторое время я проголодался и продрог. По вечерам я обычно сидел с Маргарет перед камином, поэтому не привык мерзнуть на улице. И еду мне всегда накладывали в миску, а тут явно придется промышлять охотой. Признаться, я хоть и хищник по природе (как все кошки), но не очень часто занимался этим в прошлом. Нос привел меня к мусорным бакам перед большим домом; возле них бегала стайка мышей. Несмотря на отвращение – у Маргарет я ел только консервы и в особых случаях свежую рыбу, – я загнал одну в угол и прикончил (не без внутреннего содрогания). Правду говорят, голод – лучшая приправа: мышь показалась мне восхитительной на вкус, я ощутил прилив сил и решил продолжить путешествие.

Я бродил по улицам до рассвета; когда темнота начала отступать, мне уже с трудом верилось, что еще недавно я был Алфи, озорным домашним котом, который любил играть со своим хвостом и носиться по дому сломя голову. Я попытался поймать жирную муху, но вспомнил, что нужно беречь силы: увы, я понятия не имел, когда смогу поесть в следующий раз.

Я по-прежнему шел куда глаза глядят и в конце концов добрался до оживленной трассы. В детстве Маргарет строго-настрого наказала мне держаться подальше от дорог, и я не особенно стремился нарушать запрет. Машины и грузовики с грохотом проносились мимо; я стоял на тротуаре с бешено колотящимся сердцем и выглядел промежуток между автомобилями. Наконец я унял предательскую дрожь в лапах, закрыл глаза и сошел на дорогу. Шум обступил меня со всех сторон; посмотрев влево, я увидел стремительно приближающиеся огни. Я рванулся вперед. Я бежал быстрее, чем когда-либо в жизни, но, к ужасу своему, все равно почувствовал, как что-то задело мой хвост. Икнув от страха, я прыгнул – и приземлился на тротуар. Оглянувшись на дорогу, я проводил взглядом машину, под колесами которой едва не оказался. Судя по всему, я только что истратил одну из девяти своих жизней. Наконец мне удалось восстановить дыхание. Я заковылял вперед на подкашивающихся лапах и, отойдя от трассы на безопасное расстояние, рухнул перед чьим-то крыльцом.

Через несколько минут дверь открылась и из дома вышла женщина. С ней была собака – к счастью, на поводке. Пес рванулся и залаял. Несмотря на усталость, я тут же взвился в воздух и зашипел. Женщина натянула поводок и прикрикнула на собаку, но та не унималась.

Мир с каждой секундой становился все более враждебным и опасным, и приют для животных уже не казался таким ужасным местом.

Но пути назад не было. Хотя бы по той простой причине, что я понятия не имел, где нахожусь. Когда я вышел за порог родного дома, то смутно представлял, что ждет меня впереди, но наивно полагал, что мое путешествие не будет долгим. Я надеялся в скором времени отыскать добрую семью (можно с милой маленькой девочкой), которая охотно позаботится о таком очаровательном коте. Первое время эта картинка в голове помогала мне идти вперед и даже отвлекала от сосущего чувства под ложечкой.

А потом я окончательно потерялся, проголодался и устал. Страх притупился, лапы словно налились свинцом; я уже не знал, хватит ли у меня сил на следующий шаг. Я завернул в глухой переулок, запрыгнул на забор и пошел по нему, балансируя, как балерина. На такой высоте я чувствовал себя в относительной безопасности. В саду за забором я заметил поилку для птиц – большую миску с водой на столбике (у Маргарет тоже такая была). Спрыгнув вниз, я побежал к поилке; в тот миг я от жажды был готов вскарабкаться даже на гору, что там столбик! Разогнав птиц, которые прилетели освежиться ранним утром, я стал жадно пить. Осушив миску до дна, я облизнулся и вернулся на забор, все дальше и дальше уходя от прошлой жизни.

Следующая ночь, к счастью, оказалась небогатой на события. Я встретил нескольких уличных котов, но те, слишком занятые своими делами, ограничились предостерегающим шипением. Мои знания о других кошках ограничивались общением с Агнес, которая уже с трудом ходила на момент нашего знакомства, и соседями по улице – сытыми и дружелюбными домашними питомцами. А поскольку встреча с черным котом порядком меня напугала, я старался привлекать к себе как можно меньше внимания.

Однако на следующее утро я решил изменить этому правилу. Я так проголодался, что призвал все свое обаяние в надежде, что какой-нибудь собрат по несчастью поделится со мной едой. Мне повезло – я наткнулся на полосатую кошку, которая лениво грелась

на солнцепеке перед домом с блестящей красной дверью. Осторожно подойдя к ней, я робко мурлыкнул.

– Боже правый! – воскликнула кошка. – Что за вид?!

Я было оскорбился, но потом вспомнил, что толком не вылизывался с тех пор, как покинул дом Маргарет, – когда речь идет о выживании, невольно забываешь о таких мелочах.

– У меня нет дома, и я хочу есть, – честно мяукнул я.

– Заходи, я поделюсь с тобой завтраком, – предложила кошка. – Но потом тебе придется уйти. Моя хозяйка скоро вернется. Вряд ли она обрадуется, если обнаружит в доме бродячего кота.

Вот так меня впервые назвали бродячим. И ведь я действительно им стал. У меня не было ни дома, ни семьи – никого, кто мог бы обо мне позаботиться. Я примкнул к числу невезучих, которые полагаются только на себя, к тем, кто живет в страхе и редко забывает о холоде и голоде. Никому не нужные, несчастные и одинокие... Теперь я – один из них. При мысли об этом мне стало очень грустно.

И все же я с жадностью накинулся на еду, оставленную в миске заботливой хозяйкой. Затем я горячо поблагодарил добрую кошку и, даже не спросив, как ее зовут, вернулся на улицу.

За два дня скитаний шерсть моя заметно пообтрепалась; я знал, что выгляжу ужасно, но чувствовал себя еще хуже. Я тосковал по Маргарет всем своим существом – от ушей до кончика хвоста. Но ее любовь, а также сыто урчащий желудок, помогали мне идти вперед.

Глава 3

Прошло еще несколько дней; я уходил все дальше от дома. Мне встретились парочка дружелюбных котов, хотя больше было тех, кому не стоило попадаться на глаза. Куда опаснее кошек оказались собаки: злобные, агрессивные, они раздражались лаем, едва завидев меня. К счастью, пока мне удавалось от них ускользнуть. Я в буквальном смысле ходил на цыпочках и все время держался настороже, что, конечно, изрядно подтачивало мои силы. Постепенно я учился защищаться; по натуре я был очень спокойным и миролюбивым котом, но жизнь на улице диктует свои правила. Убегая от собак, машин и кошек, я невольно набирался опыта и становился осмотрительнее.

А также стремительно худел и терял всякий лоск: моя еще недавно блестящая шерсть свалилась и покрылась грязью. Я и не думал, что выживать на улице так сложно. Тоска и одиночество грызли меня изнутри, а холод и голод довершали дело. По ночам я видел кошмары, а когда просыпался, то каждый раз обнаруживал, что реальность ничуть не лучше. Временами я просто хотел, чтобы все закончилось. Я не знал, сколько еще продержусь.

Довольно быстро я понял, что улицы не прощают ошибок и за каждый необдуманный шаг придется расплачиваться. В какой-то момент я совсем пал духом, у меня не хватало сил даже на то, чтобы переставлять лапы.

Погода соответствовала настроению. Шел дождь, дул промозглый ветер, я постоянно мерз и никак не мог высохнуть, а милая маленькая девочка все не появлялась на горизонте. Никто не спешил меня спасать, и я уже начинал подумывать, что пора оставить пустые надежды. Сказать, что я жалел себя, — значит ничего не сказать.

Лапы снова принесли меня к оживленной трассе. Я по-прежнему боялся дорог; за прошедшие дни я научился их переходить и все-таки каждый раз чувствовал, что моя жизнь висит на волоске. Теперь я уже не бросался сломя голову в промежутки между машинами; нет, я сидел на обочине и терпеливо ждал. Так случилось и в этот раз: когда трасса на время очистилась, я перебежал на противоположную сторону. К несчастью, я слишком увлекся наблюдением за машинами и не заметил маленькую толстую собаку, которая поджидала меня на тротуаре. Не успел я отдышаться, как послышался злобный рык, и передо мной возникла брызжащая слюной оскаленная пасть. И — увы! — никаких признаков владельца с поводком.

— Ш-ш-ш! — зашипел я, пытаюсь отпугнуть злобную псину, хотя у самого душа ушла в пятки. Собака стояла так близко, что я чувствовал ее запах. Она гавкнула и кинулась на меня. Я развернулся и, забыв об усталости, бросился бежать. Собака не отставала; я поднажал и рискнул обернуться, чтобы увидеть, как ее зубы щелкнули в опасной близости от моего хвоста. Для такой толстухи она была слишком шустрой! Заливистый лай преследовал меня по пятам. Завернув за угол, я помчался по переулку. Я петлял и выжимал из своих лап все что мог. Оставив позади несколько километров (во всяком случае, мне так показалось), я слегка замедлил ход и понял, что давно уже не слышу лая. Оглянувшись, я с облегчением обнаружил, что собаки нигде не видно. Мне удалось сбежать!

Выдохнув, я потрусил по дорожке, которая змеилась между задними дворами и садами. Пошел дождь, и я, несмотря на сырость и усталость, слегка прибодрился. Погода в кои-то веки сыграла мне на руку, разогнав садоводов по домам, и я не сомневался, что смогу найти укрытие. Вскоре я заметил сарай; слишком усталый для того, чтобы бояться, я сунул нос внутрь. Я чувствовал, что заболею, если в ближайшее время не заберусь в какое-нибудь сухое место.

Мне повезло: сарай оказался пуст, а на полу валялось старое одеяло. Жесткое, пахнущее плесенью, оно даже отдаленно не напоминало мягкие покрывала, на которых я привык

валяться в доме Маргарет, но сейчас оно было мне милее пледа из чистой шерсти. Свернувшись на одеяле, я принялся вылизываться; желудок выводил тоскливые рулады, но сама мысль о том, чтобы искать еду под дождем, заставляла меня нервно вздрагивать.

Капли барабанили по крыше, а я печально размышлял о том, каким избалованным был в прошлой жизни. Если вспомнить все, что я воспринимал как должное, получится очень длинный список. Я знал, что моя миска каждый день будет полна вкусного корма, что, если мне вдруг станет грустно, я всегда смогу найти утешение у хозяйки. В холодные дни я дремал перед камином или сидел на подоконнике, наблюдая буйство непогоды в уюте и тепле. Я был изнеженным и привык к комфортной жизни. Но только теперь начал понимать, как мне повезло.

Когда Мэвис посоветовала мне бежать, я и представить не мог, что спустя несколько дней буду отлеживаться в пыльном сарае, мокрый, голодный и никому не нужный. Хватит ли у меня сил продолжить путешествие? Или все закончится здесь, на старом одеяле? Я искренне надеялся, что у судьбы на мой счет другие планы, но потихоньку начинал в этом сомневаться. Конечно, жалеть себя – последнее дело, но я ничего не мог поделать. Я страшно скучал по прежней жизни и смотрел в будущее без особого оптимизма.

Должно быть, я пригрелся и провалился в сон, потому что меня разбудил пристальный взгляд. Я моргнул; в сумраке сарая стояла черная как ночь кошка.

– Я здесь просто спал! – поспешил заверить я нежданную гостью, думая про себя, что, если она полезет драться, я позволю ей себя прикончить.

– Я почуяла твой запах. Как ты сюда попал? – вполне миролюбиво спросила кошка.

– За мной гналась собака, и я забежал на эту улицу. А потом искал, где укрыться от дождя. Тут было сухо и тепло, поэтому...

– Ты бездомный? – перебила она.

– Вообще – нет, но сейчас – да, – грустно ответил я.

Она выгнула спину.

– Слушай, это мои охотничьи угодья. Я живу на улице – и мне нравится. Сюда много кто приходит поживиться – мыши, птицы, сам понимаешь. Так что это моя территория. И мне нужно знать, что ты не попытаешься наложить на нее лапу.

– Конечно, нет! – с долей негодования воскликнул я. – Я всего лишь хотел погреться.

– Со временем ты привыкнешь к дождю, – беспечно сказал кошка. Я едва не выпалил «Боже упаси!» в ответ, но сдержался. Вместо этого я встал и подошел к новой знакомой.

– Потом станет легче? – спросил я, с горечью признавая, что шансы найти новый дом тают с каждым днем.

– Не знаю. Но мы, кошки, ко всему привыкаем. – Хозяйка сарая ободряюще улыбнулась, но в следующую секунду ее глаза потемнели. – Сегодня я возьму тебя на охоту и покажу, где можно напиться, но завтра тебе придется уйти.

Я согласился.

После еды желудок успокоился, но на душе было по-прежнему тяжело. Свернувшись на одеяле рядом с черной кошкой, я мысленно взмолился о чуде. Потому что на себя уже не надеялся.

Глава 4

Утром я ушел, как и обещал. Следующие несколько дней мое настроение напоминало качели: то на меня нападало уныние и я чувствовал, что еще немного – и холод, голод и одиночество завершат свое черное дело; то непонятно откуда брались силы и я говорил себе, что не имею права сдаваться – ради Маргарет и Агнес. Приступы оптимизма и отчаяния сменяли друг друга, но я держался.

Я учился добывать еду и питье и постепенно становился самодостаточным. Привыкал к жизни под открытым небом (хотя по-прежнему ненавидел дождь). Охотился – без удовольствия и азарта, но смирившись с этим как с неизбежным злом. Улицы ожесточили меня, и все же во мне оставалось слишком много от мягкого домашнего кота.

Как-то ночью я прогуливался в приподнятом – вопреки обыкновению – настроении и наткнулся на толпу людей, сгрудившихся в подворотне, где валялись картонные коробки и очень плохо пахло. Многие держали в руках бутылки, и на лице у них шерсти было не меньше, чем у меня.

– Смотрите, кот! – просипел заросший человек, шумно отхлебнул из бутылки и махнул ей в мою сторону. До меня долетела пара капель и отвратительный запах; я невольно шараясь, и люди засмеялись. Я пока не понимал, стоит ли их опасаться, но на всякий случай не спешил подходить. И правильно: человек, который еще секунду назад смеялся, швырнул в меня бутылкой. Я успел увернуться, и она разлетелась на мелкие осколки.

– Из него получится отличная шапка, – мерзко хохотнул кто-то в толпе.

Я надеялся, что он шутит, но продолжил отступать.

– Нет у нас еды, отвали! – рявкнул третий.

– Давайте сдерем с него шкуру и съедим, – со смехом предложил тот, что стоял рядом с метателем бутылок. Я икнул от страха и застыл. В это мгновение откуда ни возьмись появился кот.

– Иди за мной, – прошипел он, и я помчался по улице вслед за ним.

Мы остановились, только когда я окончательно выдохся.

– Что это были за люди? – просипел я.

– Местные алкаши, – фыркнул кот. – Бездомные. Держись от них подальше.

– Но у меня тоже нет дома, – едва слышно пробормотал я.

– Жаль это слышать. Но все равно держись от них подальше. Им в руки лучше не попадаться.

– А что значит «алкаши»? – спросил я, чувствуя себя маленьким котенком, который ничего не знает о мире.

– Люди, которые пьют странные жидкости. Не воду и не молоко. И потом странно себя ведут. Ладно, пошли со мной. Стащу для тебя немного еды и покажу, где можно поспать в тепле.

– Ты очень добр, – неуверенно мурлыкнул я.

– Просто я когда-то был на твоём месте, – ответил кот и показал лапой, чтобы я следовал за ним.

Моего случайного знакомого звали Пуговкой; нелепое имя для кота, но его младший хозяин утверждал, что он «милый, как пуговка», что бы это ни значило. В доме, куда он меня привел, было темно. Оказавшись в тепле и безопасности, я остро понял, как сильно мне этого не хватает. Я рассказал Пуговке свою историю.

– Нелегко тебе пришлось, – вздохнул кот. – Увы, одного хозяина бывает недостаточно. Я иногда заглядываю и в другие дома на улице.

– Правда? – с любопытством спросил я.

– Я себя называю придверным котом, – горделиво сказал он.

– И что это значит?

– Большую часть времени я живу в одном доме, но это не мешает мне навещать в гости к соседям. Конечно, порой я напрасно жду под дверью, зато всегда могу попытаться счастья в другом месте.

Он рассказал, что придверные коты могут завтракать, обедать и ужинать несколько раз в день, что они получают больше внимания и ласки, чем обычные домашние питомцы – а еще им не нужно беспокоиться, где укрыться от темноты и непогоды.

Пуговке, как и мне, не нравилось жить на улице, но ему повезло: однажды его подобрал маленький мальчик. Правда, мой новый знакомый не сидел, сложив лапы, а старался произвести как можно более жалкое впечатление, чтобы родители мальчика точно прониклись сочувствием к несчастному животному и приняли его в семью.

– То есть всего-то нужно выглядеть грустным и голодным? – уточнил я, подергивая ушами от волнения.

– Я не просто выглядел грустным и голодным, я был таким на самом деле, – заметил кот. – Но мне повезло. Я молил о помощи, и маленький хозяин взял меня к себе. Если хочешь, я помогу тебе.

– Буду очень признателен! – радостно воскликнул я.

Он пустил меня в свою корзинку, и мы проговорили до глубокой ночи. И хотя я знал, что толком поспать не получится – утром мне нужно будет по-тихому выскользнуть на улицу, пока хозяева Пуговки не проснулись, – я чувствовал себя в безопасности впервые с тех пор, как покинул дом Маргарет. В голове у меня зарождался план: я решил стать придверным котом.

Глава 5

Едва забрезжил рассвет, я прошмыгнул на улицу через кошачью дверцу. Уходить мне, конечно, не хотелось, но в этот раз я знал, куда направить лапы: Пуговка рассказал, где в городе лучше всего относятся к нашему брату. Он посоветовал идти на запад, а потом повернуть направо; по словам опытного придверного кота, там проживало немало милых семей. В детали Пуговка не вдавался: судя по всему, я должен был довериться инстинктам. Итак, хорошенько отдохнув и позавтракав от пуза, я двинулся в указанном направлении. Я не забывал поглядывать по сторонам (жизнь на улице научила меня всегда держаться на чеку), но в остальном смотрел в будущее с оптимизмом.

Впрочем, Пуговка советовал не обольщаться. И действительно, как он и говорил, за одну ночь жизнь не изменилась. На мою долю выпало еще немало дней, когда мне приходилось рассчитывать только на себя, и куда больше дней, наполненных неотвязным чувством голода и усталости; нередко я брел под проливным дождем, едва переставляя лапы. Я выжил, но путешествие было долгим и трудным. Меня поддерживала лишь мысль о том, что в конце ждет награда.

Все вышло так, как сказал Пуговка. Однажды я забрел на тихую улицу и сразу понял: это то, что нужно. Не знаю, почему я так подумал. Я просто почувствовал, что мой путь кончается здесь. Я сел рядом с указателем «Эдгар-Роуд» и облизнулся. Впервые с того момента, как умерла Маргарет, я верил, что все будет хорошо.

Эдгар-Роуд понравилась мне с первого взгляда. На длинной улице стояли самые разные дома: викторианские особняки, современные коробки и даже несколько многоквартирных зданий. Особенно меня порадовал тот факт, что перед некоторыми виднелись таблички «Сдается» и «Продается». Пуговка объяснил, что такие дома ждут новых хозяев. А что нужно новоприбывшим? Конечно, кот!

За следующие несколько дней я познакомился с местными домашними котами. Когда они узнали, что я задумал, то охотно вызвались мне помочь. На Эдгар-Роуд проживали достойные представители кошачьего семейства, что, согласитесь, было немаловажным обстоятельством, если я собирался там задержаться. Нашлась, правда, парочка задиристых альфа-котов и одна чрезвычайно вредная, хотя и симпатичная кошечка, но остальные отнеслись к чужаку дружелюбно и всегда были готовы поделиться едой, если мне не везло.

Днем я общался с новыми соседями, стараясь узнать как можно больше о жителях Эдгар-Роуд, и слонялся возле пустых домов, гадая, который из них станет моим. По ночам я охотился.

Как-то вечером – к тому времени я провел на Эдгар-Роуд около недели – один злобный кот привязался ко мне, когда я спокойно сидел возле дома с табличкой «Сдается».

– Ты здесь не живешь, – прошипел он. – Убирайся.

– Нет уж! – прошипел я в ответ, стараясь выглядеть отважнее, чем чувствовал себя на самом деле. Кот попался крупный, а боец из меня по-прежнему был никудышный. Но отступать я не собирался – просто не имел права. Я не сводил глаз с противника, как вдруг прямо у меня над головой пронеслась какая-то птица. Я невольно отвлекся, и кот воспользовался моментом. Точным ударом лапы он разодрал мне кожу прямо над глазом.

Взрыв от боли и неожиданности, я зашипел на врага. Тот продолжал наступать с явным намерением пустить в ход не только когти, но и зубы. Я подумал, что в будущем – если я вообще переживу эту ночь! – придется ходить с оглядкой.

На мое счастье, в соседнем пустом доме жила полосатая кошка по имени Тигрица (так ее прозвали за яркий окрас). Мы успели свести знакомство, и теперь она встала между мной и злым котом.

– Отвали, Бандит, – зашипела она. Тот смерил ее недобрым взглядом, но счел за лучшее убраться. – У тебя кровь, – сказала Тигрица, повернувшись ко мне.

– Он застал меня врасплох, – самонадеянно ответил я. – В честном бою я бы легко его одолел.

– Не сомневаюсь, Алфи, – усмехнулась Тигрица. – И все же в тебе осталось еще слишком много от домашнего кота. Пойдем, добудем что-нибудь на ужин.

Спеша за Тигрицей, я уже знал, что она станет моим лучшим другом на Эдгар-Роуд.

– Выглядишь не очень, – заметила кошка, пока я расправлялся с добычей.

Слышать такое было не слишком приятно, но я знал, что Тигрица говорит правду.

– Да уж, – грустно отозвался я. Добираясь до Эдгар-Роуд, я сильно похудел и изрядно пообтрепался. Блестящий ухоженный мех остался в прошлом: теперь моя шерсть представляла жалкое зрелище. Впрочем, не только она. Я понятия не имел, сколько дней заняло путешествие. Зато погода успела измениться к лучшему: дожди прекратились, ночи стали теплее и короче – мне все время казалось, что вот-вот наступит рассвет.

Подружившись с Тигрицей, я стал потихоньку привыкать к новой улице. Я изучил Эдгар-Роуд, как свои четыре лапы. Пару раз я наткнулся на злобных собак – и накрепко запомнил, что некоторые дома лучше обходить стороной. Я прошелся по каждому забору, каждой изгороди и окончательно убедился, что здесь мой новый дом. Точнее, дома.

Глава 6

Двое крепких мужчин заканчивали разгружать фургон для перевозки мебели. Я наблюдал за процессом уже не первый час и пока был вполне доволен увиденным: уютный синий диван, большие пуфики, обитое тканью кресло (на вид старинное, но я в таких вещах не разбираюсь). Конечно, грузчики занесли в дом и немало других вещей: шкафы, ящики от комодов, кучу коробок, но меня в первую очередь интересовала мягкая мебель.

Удовлетворенно взмахнув хвостом, я почувствовал, как усы сами собой поднимаются вверх – я улыбался. Кажется, я нашел свой первый новый дом. Эдгар-Роуд, 78, я иду к тебе!

Грузчики сели передохнуть с пластиковыми стаканчиками в руках, а я воспользовался случаем и пробрался в дом. Несмотря на снедавшее меня любопытство, я первым делом побежал проверять черный вход. Конечно, я успел изучить все задние дворы на Эдгар-Роуд и знал, что в этом доме есть кошачья дверца, но предпочел убедиться еще раз. Кошачья дверца была на месте. Похвалив себя за предусмотрительность, я выскользнул в сад, решив, что лучше пока побуду там.

Поиграв в догонялки с собственной тенью, я поохотился на мух, после чего, взволнованно вздыхая, принялся приводить себя в порядок. Переполненный радостными ожиданиями, я вернулся в дом. Мне не терпелось познакомиться с новыми хозяевами. О как же я соскучился по коленям, на которых можно лежать, и по миске, в которой всегда есть еда! Такие простые вещи, но кошачье счастье без них невозможно. Я пообещал, что никогда больше не буду воспринимать их как сами собой разумеющиеся.

Я был неглупым котом и многому научился за то время, пока жил на улице. Теперь я знал, что нельзя складывать всех котят в одну корзину. За этот урок я очень дорого заплатил. Мне довелось повстречать парочку слишком доверчивых и слишком ленивых котов, но такая жизнь меня больше не прельщала. Прежде я мечтал о преданном хозяине – сейчас же я понимал, что этого недостаточно. Я больше не хотел остаться один.

При воспоминании о неделях бездомной жизни шерсть у меня встала дыбом. Я переключился на приятные мысли о новых хозяевах. В душе я надеялся, что они будут не хуже, чем их мягкая мебель.

Гуляя по дому, я заметил, что яркий день уже сменился сумерками; похолодало. Неужели новые владельцы отправили сегодня только мебель, а сами приедут потом? Вдруг с ними что-нибудь случилось? Я еще не был знаком со своими потенциальными хозяевами, но уже за них волновался. В попытке успокоиться я снова начал вылизываться. Нужно предстать перед этими людьми в лучшем виде – кому понравится встрепанный нервный кот?

Проблема была в том, что я слишком истосковался по домашней жизни. Мысль о возвращении на улицу повергала меня в отчаяние. Я уже начал было тревожно метаться по дому, как вдруг парадная дверь открылась. Я наострил уши и весь подобрался. Итак, пришло время встретиться с новой семьей. Я выбрал самую очаровательную улыбку из своего арсенала и приготовился пустить в ход все недюжинное обаяние.

– Знаю, мама, но что я могла поделать? – произнес женский голос. Затем последовало молчание и снова: – Проклятая машина сломалась через два часа пути, и следующие три я провела в обществе очень болтливой водители эвакуатора, который, честно говоря, чуть не свел меня с ума. – Еще одна пауза. Голос приятный, хотя его обладательница явно на взводе. Я подошел поближе. – Да-да, вся мебель здесь, ключи они оставили в почтовом ящике, как я и просила, – пауза. – Мам, Эдгар-Роуд – благополучный район, а не гетто, все будет в порядке. Слушай, у меня был ужасный день, я только что добралась до дома, давай я тебе завтра перезвоню?

Я вышел из-за угла и оказался лицом к лицу с женщиной, которая говорила по телефону. Выглядела она молодо, хотя я не очень хорошо определяю человеческий возраст; во всяком случае, морщин, как у Маргарет, у нее не было. Высокая, худая, с растрепанными темно-русыми волосами и грустными голубыми глазами, она сразу расположила меня к себе. Подкупил меня взгляд: в нем читалось, что новая хозяйка нуждается во мне ничуть не меньше, чем я в ней. Во всяком случае, так говорили мои инстинкты. Подобно большинству кошек я не сужу о людях по внешности: мы чуем то, что скрывается под ней, и обычно без труда распознаем, что за человек перед нами. «Она подойдет», – довольно подумал я.

– Кто это тут у нас? – спросила она неожиданно ласково; таким голосом люди обычно обращаются к домашним животным и младенцам (неужели они думают, что мы стоим на одной ступени развития?!). Я бы ответил ей презрительным взглядом, но мне нужно было очаровать потенциальную хозяйку, поэтому я улыбнулся. Она опустила передо мной на колени, а я замурчал и потерся о ее ногу. О да, я знаю, как произвести впечатление на женщин!

– Бедняга, какой же ты худой! И шерсть висит клоками, будто ты подрался. Ты дрался? – Она по-прежнему говорила ласковым голосом, и я согласно мурлыкнул. Недавно я видел собственное отражение в луже, но ничего толком не разглядел. Оставалось верить ей на слово и надеяться, что непрезентабельная внешность эту женщину не оттолкнет. Для проверки я боднул ее в бедро.

– Какой ты милый! – ахнула она. – И как тебя зовут? – Она осторожно подцепила пальцами жетон, который болтался на моем ошейнике. – Алфи. Ну здравствуй, Алфи.

Она взяла меня на руки и погладила свалевшийся мех. Ни с чем не сравнимое ощущение! Я чувствовал, как крепнет связь между мной и этой леди, запоминал ее запах, оставлял на одежде свой и вспоминал дни, когда я только попал к Маргарет. Давно я не чувствовал себя таким расслабленным.

Мурлыкнув особенно громко, я прижался к ней и для надежности выпустил когти.

– Что ж, Алфи, меня зовут Клэр. И хотя я точно помню, что кот в договоре на дом не значился, надо тебя покормить. А потом я позвоню твоим хозяевам.

Я усмехнулся. Пусть звонит – выбитый на жетоне номер ей не поможет. Женщина спустила меня на пол и направилась к парадной двери, чтобы забрать пакеты с продуктами. Я бежал рядом с ней, высоко задрав хвост и приветствуя таким образом нового друга.

Пока женщина разбирала покупки, я внимательно изучал место, где меня теперь будут кормить. Кухня оказалась небольшой и современной. Деревянная мебель, блестящая техника – все сияло первозданной чистотой. «Конечно, здесь ведь еще никто не жил», – напомнил я себе. В моем старом доме – при мысли о нем до сих пор сжималось сердце – кухня была старомодной и хранила немало отпечатков времени. Главным предметом обстановки был буфет, повсюду стояли декоративные тарелки. Я случайно разбил одну в детстве, и Маргарет так расстроилась, что впредь я обходил их стороной. Вряд ли у Клэр есть декоративные тарелки – не похожа она на человека, который таким увлекается.

– Вот, держи, – гордо сказала она, ставя передо мной блюдо с молоком и тарелку с копченым лососем из только что вскрытой упаковки.

«Отличное начало!» – подумал я. Я не ждал, что она привезет с собой кошачью еду, а на такое угощение и вовсе не рассчитывал. Сегодня меня устроило бы и блюдо молока. Поразмыслив, я решил, что Клэр мне нравится. Пока я занимался лососем, она достала из коробки с тарелками бокал, а из пакета вытащила бутылку вина. За первым наполненным бокалом сразу последовал второй. Я взглянул на Клэр с удивлением. Должно быть, она очень хотела пить.

Закончив с едой, я снова потерся о ее ноги. Женщина посмотрела на меня так, словно не сразу сообразила, откуда я взялся.

– Боже, надо позвонить твоим хозяевам! – спохватилась она. Я мяукнул, что никаких хозяев у меня нет, но она меня явно не поняла. Прочитав номер на жетоне, она набрала его на мобильном телефоне и стала ждать ответа. И хотя я знал, что на том конце никто не возьмет трубку, мне все-таки стало не по себе.

– Странно, – пробормотала она. – Сигнал не проходит. Должно быть, проблемы на линии. Не бойся, я тебя не выгоню. Можешь переночевать здесь, а утром я снова попробую дозвониться.

Я почувствовал огромное облегчение и громко мурлыкнул в знак благодарности.

– Но если ты собираешься остаться, тебя надо помыть, – твердо сказала она, беря меня на руки. Я насторожился. Помыть? Меня?! Я – кот, мы моемся сами! Я возмущенно мяукнул, судорожно обдумывая пути к отступлению.

– Прости, Алфи, но от тебя воняет! – твердо сказала Клэр. – Сейчас я достану полотенце, и пойдем в ванную.

Я подавил желание вывернуться из ее рук и убежать. Я ненавидел воду, а место под названием «ванная» внушало мне священный ужас с тех самых пор, как Маргарет отмывала меня после одной крайне неудачной прогулки. С другой стороны, если подумать, улица была куда страшнее ванной. Вдохнув, я решил проявить мужество и смирение.

Оставив меня перед большим зеркалом в спальне, Клэр отправилась на поиски полотенца. Я недоверчиво подошел к своему отражению. Честное слово, если бы я не знал, кто смотрит на меня из зеркала, то предпочел бы держаться от этого типа подальше. Да, выглядел я куда хуже, чем думал. Я так исхудал, что кости проступали через шкуру, а сама шкура, несмотря на все мои усилия, выглядела грязной и неопрятной. Клэр была права – без купания не обойтись. Я совсем приуныл.

Клэр вернулась с полотенцем, перекинутым через плечо, подхватила меня на руки и отнесла в ванную. Там она опустила меня на дно и включила воду. Я дернулся и зашипел.

– Прости, Алфи, но тебя надо хорошенько отмыть.

Она нерешительно посмотрела на бутылку шампуня.

– Тут написано, что он натуральный. Надеюсь, вреда не будет. Просто у меня раньше не было кошек, – сказала она, словно оправдываясь. – А ты ведь даже не мой кот! Надеюсь, твои хозяева не слишком волнуются. Этого не должно было случиться. – Казалось, что Клэр сейчас заплачет. Я искренне хотел ее подбодрить – она в этом явно нуждалась! – но в тот момент больше напоминал сугроб мыльной пены и никак не подходил на роль утешителя.

После ванной (я уже перестал надеяться, что пытка водой когда-нибудь закончится!) Клэр завернула меня в полотенце, тщательно высушила, и мы переместились в гостиную. Женщина опустилась на недавно привезенный диван, я устроился на почтительном расстоянии.

Диван оказался именно таким, как я себе представлял, а хозяйка дома не делала попыток меня прогнать. Помня о вежливости, я не надоедал ей. В руках у Клэр снова появился бокал с вином. Она сделала глоток, вздохнула и обвела комнату таким взглядом, будто видела ее в первый раз. Повсюду громоздились коробки с вещами, телевизор торчал посреди гостиной, а маленький обеденный стол со стульями скромно притулился в углу. Только диван стоял на своем месте, но даже с ним дом казался необжитым. Словно прочитав мои мысли, Клэр глотнула еще вина и расплакалась.

– Что я натворила? – проговорила она, отчаянно всхлипывая.

Меня нервировали громкие звуки, но сбежать, оставив Клэр в таком состоянии, я не мог. К тому же я точно знал, что делать. В кои-то веки я почувствовал себя нужным. Быть может, я помогу Клэр так же, как она помогла мне? Перебравшись на другой конец дивана, я осторожно положил лапы ей на колено. Клэр машинально погладила меня; плакать

она не перестала, но я почувствовал, что ей стало легче. Именно в этот момент я понял, что обрел родственную душу.

И новый дом.

Глава 7

Прошла неделя с тех пор, как я поселился у Клэр; мы потихоньку привыкали друг к другу, и жизнь постепенно возвращалась в обычную колею, хотя без трудностей не обошлось. Клэр много плакала, а я снова и снова ее утешал, хотя ничуть не тяготился этой обязанностью. Я ничего не имел против объятий, к тому же мне нужно было восполнить несколько месяцев одиночества. Правда, вид плачущей хозяйки меня искренне огорчал; я бы очень хотел ей помочь, но, увы, мог предложить только утешительное мурлыканье.

Клэр еще раз попыталась дозвониться до моих бывших хозяев, после чего связалась с телефонной компанией и узнала, что номер больше не обслуживается. Она решила, что меня бросили, и, кажется, только сильнее ко мне привязалась. Хотя мысль о том, что кто-то выгнал на улицу такого замечательного кота, снова заставила ее разрыдаться. Клэр сказала, что понимает, каково мне, а вот я, признаться, не совсем ее понял. Так или иначе, благодаря Клэр я наконец перестал быть бездомным. Она начала покупать кошачий корм и специальное молоко, поставила лоток (чему я, если честно, не слишком обрадовался) и заговорила о том, чтобы сводить меня к ветеринару. Слава богу, пока она ограничивалась словами! Ветеринары имеют отвратительную привычку тыкать пальцами, куда не следует, и я скрестил когти в надежде, что Клэр благополучно забудет о своих планах.

Хотя глаза у нее все время были на мокром месте, хозяйка не сидела сложа руки. Всего за пару дней она разобрала коробки с вещами, расставила мебель, и наш дом наконец-то стал похож на место, где можно жить. На стенах появились картины; словно грибы после дождя, выросли мягкие пуфики, и в комнатах незаметно потеплело. Я с удовольствием признал, что сделал правильный выбор.

И все-таки этот дом по-прежнему нельзя было назвать счастливым. Пока Клэр занималась вещами, я наблюдал за ней, пытаюсь разобраться, что же она за человек. Расставляя в гостиной множество фотографий, она не преминула рассказать обо всех, кто на них изображен: о родителях, младшем брате, друзьях, дальних родственниках и даже самой маленькой Клэр. Это занятие помогло ей развеяться, и я, почувствовав приподнятое настроение хозяйки, благодарно потерялся о ее ноги (я знал, что Клэр это нравится). Я часто так делал, поскольку ни на минуту не забывал, что она должна полюбить неприглядного уличного кота – если, конечно, я не хочу снова остаться без крыши над головой. Что до меня, то я легко отдал ей свое сердце.

Как-то вечером Клэр достала из коробки фотографию, которую я прежде не видел. На ней хозяйка стояла в белом платье и держала за руку очень красивого мужчину. Я достаточно разбирался в людских обычаях, чтобы узнать свадебное фото. Свадьба – это когда два человека обещают до конца жизни спариваться только друг с другом. Мы, кошки, такого не понимаем. Клэр прижала фотографию к груди, опустилась на диван и разрыдалась. Я сел рядом и громко мяукнул, выражая сочувствие, но она, кажется, даже не заметила. Тогда я перешел от мяуканья к подвыванию: в конце концов, мне тоже было о чем поплакать. Я не знал, что случилось с красивым мужчиной – может, он бросил Клэр или умер, как Маргарет, – но ясно видел, что она осталась одна-одинешенька. Поэтому я в меру своих способностей старался разделить ее горе.

Еще через пару дней Клэр ушла из дома рано утром, сказав, что ей нужно на работу. По такому случаю она причесалась, надела красивый костюм и стала выглядеть чуть лучше, чем обычно. На лицо даже вернулись краски – хотя в естественности румянца я, признаюсь, сомневался. За неделю сытой и относительно спокойной жизни я тоже похорошел. Шерсть

заблестела, я начал набирать вес. Как-то я поймал наше с Клэр отражение в зеркале и подумал, что из нас получится отличная пара. Во всяком случае, у нас были для этого все задатки.

Уходя на работу, хозяйка оставляла достаточно еды, но я все равно скучал по ее обществу. Одиночество по-прежнему угнетало меня. Конечно, Тигрица не давала мне унывать: мы охотились за мухами, гуляли возле дома и нежились на солнце на заднем дворе, но кошачья дружба – это другое. Для счастья мне нужен был человек.

Едва за Клэр закрывалась дверь, меня одолевали тяжелые воспоминания и я снова и снова задумывался над тем, как воплотить в жизнь свой план. Если я хочу быть уверен, что никогда больше не окажусь на улице, одним домом и одним хозяином ограничиваться нельзя. Грустно, конечно, но такова жизнь.

Табличка «Продано» появилась перед домом № 46 по Эдгар-Роуд одновременно с такой же табличкой у дома Клэр, поэтому я приглядывал за обоими, но Клэр въехала первой. Тем не менее, я не выпускал сорок шестой из виду и знал, что в него тоже заселились новые хозяева. Он находился неподалеку от моего нового места обитания, в той части улицы, где располагались «дорогие» дома, как мне объяснили проживавшие там коты. Судя по всему, они гордились данным обстоятельством и не упускали случая им прихвастнуть. Мне эта часть Эдгар-Роуд нравилась, и будь у меня такая возможность, я бы с удовольствием время от времени туда навещался.

Эдгар-Роуд отличалась от других улиц: из-за того что на ней стояли самые разные дома, там проживали люди разного достатка и положения. Прежде я знал лишь дом Маргарет – скромный коттедж на тихой улице, и он даже отдаленно не напоминал роскошные особняки, высившиеся в дальнем конце Эдгар-Роуд.

Дом Клэр принадлежал к числу средних, а сорок шестой входил в десятку лучших. Большой, просторный, он манил меня широкими окнами, на которых, наверное, так приятно лежать, свисая обзоревая окрестности. Оценив размеры дома, я решил, что туда, скорее всего, заселилось целое семейство. Что ж, я не против был стать семейным котом. Не поймите меня неправильно: я искренне привязался к Клэр и ни в коем случае не собирался ее бросать. Просто мне нужен был еще один дом.

Едва поднялось солнце, я отправился на разведку. Перед домом № 46 стояла элегантная двухместная машина; это меня насторожило – такого рода автомобили не подходят для семьи. Но я уже принял решение и отступать не собирался. Обойдя дом, я, к своему удовольствию, обнаружил кошачью дверцу.

Проскользнув внутрь, я очутился в опрятной комнате со стиральной машинкой, сушилкой и большой морозильной камерой. Она возвышалась надо мной, словно гора, и издавала низкий гудящий звук, от которого болели уши. Я поспешно толкнул лапой дверь и вышел в огромную кухню, посреди которой стоял широкий обеденный стол. «Бинго!» – подумал я: этот стол просто создан для того, чтобы собираться за ним большой семьей с кучей детишек. А дети любят кошек – это всем известно. Да меня тут избалуют! Я задрожал от волнения – мне очень хотелось снова стать избалованным котом.

Я уже размышлял о том, как меня будут тискать и угощать всякими вкусностями, когда на кухню вошли мужчина и женщина.

– Не знала, что у тебя есть кот! – воскликнула она чуть визгливо; голос этой дамы живо напомнил мне мышинный писк. Одетая в узкое платье и туфли на высоченных каблуках, она была совсем не похожа на заботливую хозяйку, что меня, конечно, огорчило. Еще я удивился, как она вообще может дышать и ходить в таком наряде. При всем этом дамочка выглядела ужасно неухоженной. Конечно, кто бы мяукал, но я по возможности стараюсь следить за своей внешностью. С этой мыслью я начал тщательно вылизываться прямо посреди кухни, надеясь, что она поймет намек.

В общем и целом дама была похожа на героиню сериала, который мы с Маргарет смотрели по вечерам. Кажется, он назывался «Жители Ист-Энда».

Оторвавшись от вылизывания, я приветственно моргнул мужчине, но ответной любезности не дождался.

– Это не мой кот, – холодно отозвался он.

Я внимательно оглядел его: высокий, темноволосый и симпатичный, он тем не менее казался не слишком дружелюбным. Скорее наоборот.

– Я въехал пару дней назад и только потом заметил дурацкую кошачью дверцу. Надо заколотить ее, пока в доме не отметились все бродячие коты, которые шляются по округе. – Взгляд мужчины ясно давал понять, что меня он тоже относит к их числу. Я напрягся.

Возмутительно! Какой холодный прием! Ужасный мужчина, женщина ему под стать – и никаких детей. Игрушек на кухне я не заметил, да и не похоже было, что эти двое способны толком о ком-нибудь позаботиться, будь то ребенок или кот. Очевидно, я ошибся. На сей раз кошачья интуиция меня подвела.

– Ну, Джонатан, – тем временем продолжила женщина, – не будь таким злокой. Посмотри, какой он милый. И наверное, голодный.

Я тут же пожалел о своих нехороших мыслях. Может, выглядит она не очень, зато сердце у нее доброе. Во мне вновь затеплилась надежда.

– Я ничего не понимаю в кошках и не горю желанием углубляться в этот вопрос, – высокомерно ответил Джонатан. – Но одно знаю точно: если ты его покормишь, он так и будет сюда ходить. И еще друзей приведет! В любом случае мне нужно работать. Я тебя провожу.

Слова Джонатана задели даму; расстроенная, она последовала за ним к выходу. Я свернулся клубком и призвал на помощь все свое обаяние, но это не сработало. Когда Джонатан вернулся, он не стал умиляться. Вместо этого он схватил меня за шкурку и вышвырнул – в буквальном смысле вышвырнул! – за дверь. По кошачьему обыкновению, я ловко приземлился на четыре лапы. Пострадала только моя гордость.

– Новый дом, новое начало, но никаких котов! – рявкнул мужчина мне вслед и захлопнул дверь.

Уязвленный до глубины души, я встряхнулся. Как он посмел так со мной обращаться? Женщину мне тоже было искренне жаль. Оставалось надеяться, что она покинула дом менее травматичным путем.

Наверное, после такого приема мне следовало оставить мечты о доме № 46 по Эдгар-Роуд, но я был не из тех котов, что быстро сдаются. Несмотря на грубые манеры и внешнюю холодность, Джонатан показался мне не столько злым, сколько несчастным. Во всяком случае, об этом кричало мое чутье. Так или иначе, после ухода дамы на каблуках он остался в огромном пустом доме совсем один, а я имел представление, как это неприятно.

Я помчался к Клэр, чтобы успеть проводить ее на работу, и застал хозяйку перед зеркалом: она накладывала макияж, поэтому сложно было разобрать, плакала она утром или нет. Закончив приводить себя в порядок (у нее это отнимало намного больше времени, чем у меня), она насыпала в миску корм, погладила меня, схватила сумку и направилась к выходу. Я проводил ее до двери, потерся о ноги и мурлыкнул, напоминая, что буду ждать ее дома.

Хотелось верить, что от этого ей стало чуточку легче.

– Ох, Алфи, что бы я без тебя делала? – благодарно сказала она перед тем, как уйти. Я самодовольно приосанился. Приятно сознавать, что тебя ценят – особенно после того, как Джонатан грубо меня отверг. Я все больше привязывался к этой печальной молодой женщине, которая так нуждалась в поддержке. Люди часто обвиняют котов в эгоизме и зацик-

ленности на своей персоне, но на самом деле мы не такие. По крайней мере не все. Вот я, например, был добрым и отзывчивым котом и охотно помогал тем, кто попал в беду.

Наверное, мне стоило забыть о Джонатане и доме № 46, но что-то неудержимо влекло меня в ту часть Эдгар-Роуд. Маргарет говорила, что злые люди на самом деле просто несчастны, а моя старая хозяйка была очень мудрой женщиной. Когда она принесла меня в дом, Агнес первое время относилась ко мне не слишком дружелюбно, но Маргарет объяснила: кошка боится, что я займу ее место. После того как лед между нами растаял, Агнес подтвердила слова хозяйки. А я понял, что злость и несчастье часто идут по жизни рука об руку.

И вернулся к сорок шестому дому. Машина на подъездной дорожке не стояла, так что горизонт был чист. Почувствовав прилив храбрости, я снова пробрался внутрь через кошачью дверцу и огляделся. Первое впечатление меня не обмануло: этот дом действительно был рассчитан на большую семью, но сейчас служил пристанищем одинокому мужчине. Никаких признаков женской руки – ни тебе обоев в цветочек, ни милых безделушек; только блестящие поверхности, хром и стекло. Диван в гостиной был точной копией дивана из дорогого мебельного магазина, который как-то попался мне во время путешествия. Сочетание металла и кремовой обивки не предполагало наличия детей в радиусе ста метров. И котов, если уж на то пошло. Но я все же пару раз прошелся по дивану – лапы у меня были чистые, и я делал это не из вредности, а потому что хотел его испытать! – и остался вполне доволен. На втором этаже я обнаружил четыре комнаты: две спальни, кабинет и одну непонятного предназначения, временно заставленную коробками. Этот дом был совершенно безликим: ни счастливых фотографий, ни каких-либо признаков, что тут вообще кто-нибудь живет. Ну, кроме мебели. Особняк напоминал большой пустой холодильник.

Изучив его, я понял, что достучаться до Джонатана будет непросто. Но я тоже не лыком шит. Да, я ему однозначно не понравился – и вряд ли другому коту повезло бы больше, окажись он на моем месте, – но далеко не все, если уж на то пошло, с первого взгляда проникались ко мне симпатией. Вспомнить ту же Агнес. При мысли о черной мордочке тетушки я невольно улыбнулся. Мне очень ее не хватало; когда она умерла, я словно утратил часть себя.

Агнес была полной моей противоположностью – степенной кошкой почтенных лет. Большую часть времени она сидела на подоконнике, на специальной подушке, и наблюдала за тем, что происходит на улице. Появление в доме озорного комка шерсти Агнес восприняла как личное оскорбление.

– Если ты намерен здесь остаться, лучше подумай еще раз! – прошипела она при нашей первой встрече. Пару раз она порывалась задать мне трепку, но я был слишком шустрым, да и Маргарет всегда успевала вмешаться. Она прогоняла Агнес и начинала возиться со мной еще больше, угощая меня разными лакомствами и покупая игрушки. В конце концов Агнес поняла, что с котенком в доме придется смириться. Она была готова терпеть меня, покуда я ей не докучал. А потом я как-то незаметно очаровал эту старую ворчливую кошку и мы с ней стали настоящей семьей. Она даже вылизывала меня – совсем как мама, когда я только родился.

Если я смог растопить сердце грозной Агнес, то с Джонатаном уж и подавно справлюсь!

Побродив по комнатам – я так и не нашел ответа на вопрос, зачем моему потенциальному хозяину такой большой дом, – я решил, что пришла пора сделать первый шаг и принести ему подарок. Охота по-прежнему не входила в число моих увлечений, но другого пути подружиться с этим неприветливым человеком я не видел.

В том, что касается подарков и подношений, коты придерживаются разных стратегий. Одни регулярно притаскивают в дом добычу, хотя их хозяев это не слишком радует. Дру-

гие – как я, например, – тщательно выбирают момент. В конце концов, это наш, кошачий, способ показать людям, что мы о них заботимся; таким средством нельзя злоупотреблять. Но в Джонатане я почувствовал настоящего альфа-кота: он явно охотник по жизни и сумеет по достоинству оценить мой дар. А заодно поймет, что у нас есть кое-что общее.

Я позвал Тигрицу и спросил, не хочет ли она поохотиться вместе.

– Ты меня разбудил, – недовольно мяукнула кошка. – Почему ты не можешь охотиться ночью, как все нормальные коты?

Повздыхав, она все-таки согласилась пойти со мной.

Тигрица была права: наша братия обычно охотится по ночам. Но за время, проведенное на улице, я понял, что на хорошую добычу можно наткнуться и днем. Так и случилось: довольно скоро я почуял толстую сочную мышку. Прижавшись к земле, я подобрался, готовясь прыгнуть на нее, и... мышка благополучно проскользнула у меня между лап. Я кинулся за ней, но она снова улизнула.

– Ты ужасный охотник! – хохотнула Тигрица, наблюдавшая за моими потугами.

– Могла бы и помочь, – прошипел я, но она только громче рассмеялась. Наконец, прежде чем я потерял терпение, мышка выбилась из сил и совершила роковую ошибку. Я прыгнул еще раз и все-таки пригвоздил ее когтями к земле.

– Хочешь пойти со мной к Джонатану? – спросил я Тигрицу.

– Да, не откажусь посмотреть на твой второй дом, – ответила она.

Я решил, что, если хочу произвести впечатление на нового хозяина, голову мышке лучше не отгрызать, поэтому аккуратно нес ее в зубах. Пробравшись в дом, я положил добычу у парадной двери так, чтобы Джонатан гарантированно наткнулся на мой подарок. На секунду я пожалел, что не владею грамотой, а то приложил бы к мышке записку: «С новосельем!» Оставалось надеяться, что он и так меня поймет.

Глава 8

Мы с Тигрицей заигрались с сухими листьями в кустах, и к Клэр я вернулся позже обычного. Небо над Эдгар-Роуд темнело, а желудок настойчиво напоминал, что пора подкрепиться. Поскольку пойманную мышку я самоотверженно отдал Джонатану, у меня с утра маковой росинки во рту не было.

Пробравшись в дом через кошачью дверцу, я обнаружил хозяйку на кухне.

– Привет, Алфи, – сказала она, наклоняясь, чтобы меня погладить. – Где сегодня гулял?

Я нетерпеливо мяукнул в ответ, и она полезла в кухонный шкаф за банкой кошачьих консервов.

«Прости, но все разговоры потом!» – подумал я, набрасываясь на ужин, пока Клэр открывала упаковку кошачьего молока. Покончив с едой, я тщательно облизал усы и стал наблюдать за тем, как хозяйка наводит порядок. Хотя Клэр была в подавленном состоянии, она никогда не забывала о чистоте – вспомнить хотя бы, как она в первый же вечер затащила меня в ванную. Оставить на столе стакан – нет, это не про мою хозяйку. Она все мыла и убирала на место. С одеждой – та же история. В доме царил безупречный порядок, и Клэр старательно его поддерживала. По правде сказать, даже чересчур старательно. Она купила для меня специальные миски и ставила их на пол, когда приходило время еды. Однако стоило мне закончить, как они тут же отправлялись в раковину, а затем в шкаф для посуды; пол под ними Клэр брызгала моющим средством и тщательно протирала. Я всегда был чистоплотным котом, но соседство с Клэр заставляло меня уделять личной гигиене больше времени, чем обычно. Не хотелось, чтобы новая хозяйка видела во мне угрозу своему идеальному порядку. И повторять опыт с ванной я тоже не горел желанием.

Каждый день после работы (Клэр трудилась в большом офисе и занималась чем-то под названием «маркетинг») она первым делом отправлялась в душ, не переставая жаловаться на грязный Лондон, затем переодевалась в пижаму, наливала себе вина и устраивалась на диване. А потом начинала плакать. За то время, что мы жили вместе, это вошло в порядок вещей.

Клэр почти ничего не ела; я не мог не заметить, что моя хозяйка очень худая. Я был бы рад вернуть ей аппетит, но понятия не имел, как это сделать. Зато она любила пить вино из красивых бокалов. В холодильнике обязательно стояла бутылка, и ближе к ночи она обычно оказывалась пуста. Глядя на это, я невольно вспоминал бездомных, которые грозились пустить меня на шапку. Клэр была совсем на них не похожа, но Пуговка доходчиво объяснил, что происходит с людьми, когда они напиваются, – а моя хозяйка, будем откровенны, напивалась почти каждый вечер. Она осушала бокал за бокалом и плакала, плакала. Я пытался ее утешить, но плохо справлялся с задачей. От этого я начинал чувствовать себя на редкость бестолковым котом: у меня не получалось ни вернуть улыбку на лицо хозяйки, ни хотя бы остановить бесконечный поток слез.

Я дошел до того, что даже играл в прятки за шторами в надежде развеселить Клэр, но она не обращала на меня внимания. Увлечшись, я как-то раз свалился с подоконника и довольно сильно ушибся, но и мое жалобное мяуканье не отвлекло ее от грустных мыслей. Я плакал вместе с Клэр, забирался на колени, мурлыкал, тыкался в нее головой, даже предлагал свой драгоценный хвост в качестве игрушки – бесполезно. В такие минуты она полностью замыкалась в себе и отгораживалась от остального мира, включая меня.

По ночам я устраивался в кресле рядом с ее кроватью – Клэр постелила туда плед, чтобы мне было тепло и уютно, и я мог присматривать за хозяйкой, пока она спит. Чаще всего я дремал вполглаза, чтобы она не чувствовала себя одинокой. После звонка будильника

я запрыгивал на кровать и осторожно лизал ее в нос, давая понять, как сильно ее люблю. Клэр спасла меня от одиночества, и я хотел ее отблагодарить.

Конечно, временами я жалел себя – беспокойство за хозяйку порядком выматывало, – но надеялся, что рано или поздно пойму, как ей помочь.

В тот вечер мы только расположились в гостиной – она с бокалом вина, я с игрушкой, набитой кошачьей мятой, – как кто-то позвонил в дверь. Озадаченная Клэр пошла открывать, а я побежал следом, путаясь у нее под ногами. На пороге стоял мужчина. Поначалу я принял его за парня со свадебного снимка, но потом узнал Тима, брата Клэр – он тоже попадался на фотографиях. Хозяйка, судя по всему, была не особо рада его видеть.

– Да, быстро ты опустилась до клише, – сказал Тим вместо приветствия.

– Как это понимать? – резко спросила она.

– Одинокая женщина и кошка. Прости, Клэр, просто шучу. – Он улыбнулся, но ни я, ни хозяйка не спешили улыбаться в ответ. Мы молча отодвинулись в сторону, пропуская его внутрь, и втроем вернулись в гостиную.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Клэр, махнув рукой в сторону дивана. Я не отходил от нее ни на шаг, всем своим видом показывая, что хозяйка под моей защитой.

– Разве я не могу повидать сестру? – отозвался Тим, после чего попытался меня погладить. Я недовольно увернулся: я пока не решил, друг он или враг. – Что это за кот?

– Алфи. Прилагался к дому, – сухо ответила Клэр. – А почему ты не предупредил, что приедешь? Слабо верится, что ты просто оказался поблизости и решил заскочить.

– Я живу всего в полутора часах езды, и это на самом деле был чистый экспромт.

Клэр опустилась в кресло, не отрывая от брата подозрительного взгляда. Я запрыгнул к ней на колени и попытался окатить незваного гостя ледяным презрением. Не уверен, что у меня получилось: иногда трудно быть таким милым – люди и кошки просто не воспринимают тебя всерьез!

– И все же ты мог позвонить, – не сдавалась Клэр.

– Ладно, ладно, виноват. Выпить ты мне не предложишь, как я понимаю? – Он выжидающе посмотрел на сестру, но та покачала головой.

– Меня мама попросила заехать, – наконец признался Тим. – Она за тебя волнуется. Стив ушел всего полгода назад, ты продала дом, бросила друзей, работу и перебралась в Лондон. Не самый, согласись, приветливый город – тем более ты тут никогда не жила и никого не знаешь. Понятно, что мама волнуется. Мы все за тебя переживаем, но она больше всех.

– Ну так перестаньте, – с деланным равнодушием ответила Клэр. – Я в порядке, сам посмотри. – В ее голосе звучало явное недовольство.

– Клэр, я *смотрю* на тебя и вижу, что ты не в порядке.

Хозяйка вздохнула.

– Тим, мне нужно было уехать, как ты не понимаешь! Стив ушел к другой женщине, и теперь они живут неподалеку от моего старого дома – рядом с мамой и папой, кстати. Я не могла видеть их каждый день. А если бы осталась, так бы и случилось. Я считаю, ты должен мной гордиться. Я быстро дала ему развод. Не стала закатывать сцен. Продала дом, нашла хорошую работу, поселилась здесь. И все это – с растоптанным сердцем. – Она замолчала и сердито вытерла слезы. Я теснее прижался к хозяйке.

– И я горжусь тобой, Клэр, – мягко произнес Тим. – Но мы все равно беспокоимся. Ты замечательно держишься, но тебе нелегко, а мы слишком далеко, чтобы помочь. Сделай одолжение, съезди домой на выходные. Просто чтобы мама на тебя посмотрела.

Я подумал, что в его словах есть смысл. Клэр повидает семью, а я пару дней отдохну от волнений и вплотную займусь Джонатаном. (Надеюсь, это прозвучало не слишком эгоистично?)

– Слушай, давай договоримся. Я съезжу к родителям, если ты скажешь маме, что я в порядке.

– Хорошо, сестренка, как пожелаешь. Но можно мне хотя бы чашку чая перед обратной дорогой?

Когда я понял, что Тим не враг моей хозяйке, то решил с ним подружиться. Мы замечательно поиграли, и я по достоинству оценил, что ради меня он становился на четвереньки, не боясь выглядеть глупо. Я переворачивался на спину, раскидывал лапы, чтобы он мог почесать мне живот, и довольно мурлыкал. Пока мы играли, Тим попросил меня присмотреть за сестрой, и я протяжным урчанием заверил его, что так и сделаю. Я осознавал возложенную ответственность, но был к ней готов. Когда мы вышли проводить Тима, я подумал, что еще успею сбегать к сорок шестому дому и проведать Джонатана, но Клэр нарушила мои планы, подхватив на руки и отнеся в спальню.

Глава 9

Я вернулся к дому Джонатана ранним утром. Клэр вскочила ни свет ни заря и умчалась на работу; еды она мне оставила, а вот погладить забыла. Я постарался не принимать это близко к сердцу: люди – они такие, в их жизни происходит гораздо больше событий, чем в нашей, кошачьей. И все же поведение Клэр вновь утвердило меня в желании обзавестись несколькими хозяевами.

Я осторожно просунул голову в кошачью дверцу. В доме стояла мертвая тишина, отчего мне даже стало слегка не по себе. Шторы на окнах были задернуты, жалюзи опущены. Кошки в основном ночные животные, мы хорошо видим в темноте и легко ориентируемся в пространстве благодаря другим чувствам. В доме Маргарет я научился ловко лавировать между мебелью и прочими предметами обстановки, а на улице – избегать столкновения с деревьями и людьми.

Пробравшись внутрь, я на секунду задумался, каково это – быть Джонатаном. Жить в таком большом доме совсем одному. Нет, это не по мне. У Маргарет я любил свернуться клубком в своей маленькой корзинке – будь она чуть больше, лежать в ней было бы совсем не так уютно. А после того как Агнес меня приняла, мы часто устраивались там вдвоем. Рядом со старой кошкой было тепло и спокойно. Ох, как же я скучал по старым дням! Наверное, Джонатану тоже нужен был кто-то рядом, поэтому он и привел ту женщину... Хотя я сильно сомневался, что она вернется после того, как он ее выставил.

Я сидел в коридоре у подножия лестницы. Еще одной неприятной чертой дома № 46 было отсутствие ковров. Гладкие деревянные полы, конечно, давали простор для веселья – я уже успел покататься в свое удовольствие, – но при этом оставались жесткими и холодными. И о них невозможно было поточить когти! А вместо длинных штор, с которыми так здорово играть, на большинстве окон висели дурацкие жалюзи. Дом просто кричал о том, что котам здесь не место, но меня по-прежнему неудержимо сюда тянуло.

Кажется, прошла целая вечность, прежде чем на лестнице появился Джонатан – заспанный и в пижаме. Он выглядел усталым, каким-то потрепанным и, если честно, напоминал уличного кота. Остановившись на верхней ступеньке, Джонатан наградил меня взглядом, который при всем желании нельзя было назвать приветливым.

– Только не говори, что это ты оставил на коврике дохлую мышь, – сердито пробурчал он.

В ответ я скромно мурлыкнул: «Не благодари!»

– Чертов кот. Я кажется, ясно дал понять, что тебе здесь не рады.

Раздраженно топая, он прошел мимо меня на кухню, вытащил из шкафа чашку и начал нажимать кнопки на машине, из которой вскоре полился горячий кофе. Затем Джонатан направился к холодильнику, напоминавшему космический корабль, и достал молоко. Я с надеждой облизнулся, а когда хозяин дома наполнил чашку, но мне не предложил, громко мяукнул.

– Даже не надейся, тебя тут кормить не будут! – рявкнул он.

И в самом деле, мне попался крепкий орешек! Я мяукнул еще раз, чтобы выразить неодобрение.

– Я не нуждаюсь в домашнем животном, – продолжил Джонатан, прихлебывая кофе с молоком. – Я нуждаюсь в тишине и покое, чтобы разобраться со своей жизнью. – Я навести уши, показывая, что я весь внимание. – И прекрасно обойдусь без дохлых мышей на коврике и наглых котов на кухне!

Я снова мурлыкнул в тщетной попытке завоевать его расположение.

– Хватит и того, что я вернулся в эту проклятую страну с ее проклятым климатом, – теперь он смотрел на меня так, будто разговаривал с человеком. Если бы я мог, я бы сказал Джонатану, что климат у нас неплохой, тем более сейчас, когда на дворе лето. После паузы он снова заговорил: – Я скучаю по Сингапуру. Скучаю по жаре, по тамошней жизни. Я ошибся всего раз – и вот что вышло. Ни работы, ни девушки, ни Сингапура. – Джонатан замолчал над чашкой. Я прищурился, и его вдруг прорвало: – Конечно, она ушла, стоило мне потерять работу! Три года я оплачивал все ее прихоти, а когда больше не смог, она свалила, не потрудившись даже толком попрощаться. Да, мне повезло, что хватило денег на этот дом, но давай посмотрим правде в лицо – мы отнюдь не в Челси!

Я понятия не имел, что такое Челси, но на всякий случай с ним согласился. Мой хвост взволнованно мотался из стороны в сторону. Я был прав: Джонатан не просто противный ворчун, он несчастный и одинокий человек! Хотя и противный ворчун тоже. Зато теперь я отчетливо видел, что ему нужен друг, а из котов получаются отличные друзья, уж поверьте моему опыту.

– Почему я вообще с тобой разговариваю? – опомнился Джонатан. – Как будто ты что-то понимаешь!

«М-да, кое-кто совсем не разбирается в кошках», – подумал я, наблюдая, как он допивает кофе. Желая показать, что на самом деле я все понимаю, я потерял о его ногу, выражая сочувствие, в котором он так нуждался. Джонатан удивился, но не отстранился. Тогда я решил пойти дальше и запрыгнул к нему на колени. Такой наглости он от меня явно не ожидал. На лице Джонатана отразилась внутренняя борьба: на секунду он смягчился, но в следующий миг опять замкнулся.

– Сейчас я позвоню твоим хозяевам и потребую, чтобы они тебя забрали! – сердито сказал он. Потом, как и Клэр неделю назад, посмотрел номер на жетоне и потянулся за телефоном. Когда на том конце не ответили, Джонатан раздосадованно цокнул языком.

– И где же ты живешь?

Я наклонил голову и выразительно на него посмотрел.

– Слушай, иди домой. Я не могу сидеть тут с тобой целый день. Мне нужно найти работу и заколотить эту чертову кошачью дверцу. – Он наградил меня еще одним недобрым взглядом и вышел из кухни.

Но я, несмотря ни на что, остался доволен. Во-первых, он все-таки со мной заговорил, а это уже хороший знак; во-вторых, он не вышвырнул меня из дома. И ушел, зная, что я по-прежнему сижу на кухне. Может, я постепенно начинаю ему нравиться. Как я и чувствовал, Джонатан из тех, кто громко лает, но не кусает.

Я осторожно поднялся на второй этаж, стараясь не попадаться ему на глаза. Мне нужно было изучить Джонатана, а для этого лучше всего понаблюдать за ним в домашней обстановке.

Высокий, подтянутый, он явно следил за своей внешностью, и здесь мы с ним были похожи. Джонатан целую вечность принимал душ в ванной комнате, которая примыкала к спальне, а затем долго стоял перед встроенным гардеробом, выбирая костюм. Когда он оделся, то напомнил мне героя черно-белых фильмов – Маргарет они очень нравились. Она повторяла, что эти мужчины «обходительные и привлекательные, какими и должны быть настоящие джентльмены». Думаю, Джонатана она бы одобрила.

Я тихо спустился вниз, чтобы он не заметил, как я за ним наблюдаю, и вернулся на свой пост у подножия лестницы.

– Ты еще тут, Алфи? – спросил он. Голос у него был уже не такой сердитый.

Я мяукнул в ответ. Он покачал головой, но меня переполняла радость: Джонатан обратился ко мне по имени!

Он направился к шкафу под лестницей, где стояли ряды блестящих черных туфель, и выбрал одну пару. Потом присел на ступеньку, чтобы обуться. Закончив с этим, он снял с вешалки пиджак, подобрал ключи с низкого столика в прихожей и повернулся ко мне.

– Так, Алфи, надеюсь, в этот раз ты уйдешь сам. Я буду очень рад, если *не* встречу тебя здесь, когда вернусь. И давай обойдемся без дохлых мышек, одной более чем достаточно.

Когда Джонатан захлопнул за мной дверь, я с наслаждением потянулся. Теперь я точно знал, что смогу ему помочь. Несчастный, озлобленный и одинокий, он, как и Клэр, нуждался во мне. Только сам еще этого не понял.

В конце концов, он уже начал проникаться ко мне симпатией, а ведь прошла всего пара дней! Преисполненный уверенности в своих силах, я стал подумывать о том, чтобы преподнести Джонатану новый подарок. Мышка ему не слишком понравилась, значит, надо поймать что-нибудь посимпатичнее. Птичку! Точно, принесу ему птичку. Всем известно, упитанная птичка – залог долгой и крепкой дружбы.

Свежепойманная птичка красовалась на коврике Джонатана уже к полудню. Теперь-то он точно поймет, что я хочу с ним подружиться. Довольный собой, я решил прогуляться по Эдгар-Роуд; погода стояла нежаркая, но ясная, и я надеялся побаловать себя восхитительной солнечной ванной. Подходящее место нашлось перед одним из некрасивых современных домов, поделенных на две квартиры. Стоявшие бок о бок входные двери – 22А и 22В – были абсолютно одинаковыми.

Перед обеими красовались таблички «Сдается» – я не раз встречал такие на нашей улице. Насколько я знал, сюда пока никто не заселился. Погревшись на солнышке, я пошел дальше по своим делам, но сделал мысленную пометку сюда вернуться. Рано или поздно кто-нибудь въедет и в эти дома. В конце концов, жизнь – штука непредсказуемая. Клэр меня любит, но пропадает на работе, а на выходные вообще уезжает. А Джонатан... я, конечно, не сомневался в собственных силах, но хотел обзавестись запасным вариантом.

Пожив на улице, я понял, что могу постоять за себя, но мне это не слишком нравилось. По натуре я не был хищником и бойцом. Теплый плед, консервы в миске, молоко и регулярная порция поглаживаний – вот оно, мое кошачье счастье. Вряд ли я уже изменюсь, да и не то что бы мне хотелось меняться.

Воспоминания о холодных ночах, голоде и одиночестве были еще свежи в моей памяти, а страх снова оказаться на улице никуда не делся и время от времени ворочался где-то в животе. Нет, я не смогу снова через это пройти. Мне нужна семья, любовь и безопасность. И больше ничего.

Когда солнце скрылось за крышами домов, я повернул назад. По дороге я размышлял о том, как интересно все иногда поворачивается в жизни. После смерти Агнес я в буквальном смысле заболел от горя: перестал есть и мочиться. Маргарет так перепугалась, что отнесла меня к ветеринару. Кэти – врач – сказала, что это инфекция мочевого пузыря. Осмотрев меня со всех сторон, она объявила, что всему виной стресс. Маргарет тогда очень удивилась: она и не думала, что кошки способны переживать такие же глубокие эмоции, как люди. Может, мы горюем по-другому, но нам не менее тяжело. Я тосковал по Агнес так, что заболел. Клэр тосковала по Стиву, а Джонатан – по загадочному «Сингапуру». И я понимал их чувства, поэтому решил быть рядом в трудный час. Так на моем месте поступил бы любой порядочный кот.

Глава 10

После обеда я пригласил Тигрицу посмотреть квартиры в двадцать втором доме. Мы двинулись по улице ленивой трусцой – моя полосатая подруга была не из тех, кто торопится без веской на то причины, – и даже задержались подразнить большую уродливую собаку, запертую во дворе. Суть игры заключалась в том, чтобы подбежать к воротам, просунуть лапу между прутьями и ловко отпрыгнуть в самый последний момент. Мы с Тигрицей славно повеселились, а вот собаке это развлечение пришлось не по нраву. Она гавкала, скалила зубы и яростно бросалась на ворота. Мы только покатывались со смеху. От злости собака даже попробовала перепрыгнуть через забор, но все знают, что прыгуны из псов неважные, до кошек им далеко. Я думал, нам никогда не надоест играть, но потом Тигрица меня остановила.

– Хорошего понемножку, – заметила она. – Думаю, на сегодня с нее достаточно.

На прощание я одарил заходившуюся лаем псину своей лучшей усмешкой. В конце концов, если бы не запертые ворота, она бы тоже с превеликим удовольствием погоняла нас по улице. Так устроен мир.

Двадцать второй дом по-прежнему пустовал, но, погуляв по лужайке, Тигрица одобрила мой выбор. На обратном пути мы решили для разнообразия пройти по заборам и даже поохотились на птиц. В общем, отлично провели время.

Вернувшись домой, я сладко подремал, и когда Клэр вернулась, уже поджидал ее у двери. Хозяйка широко мне улыбнулась.

– Алфи, сегодня к ужину будут гости! – подмигнула она и направилась в душ. Спустилась она, против обыкновения, не в пижаме, а в джинсах и джемпере. Клэр начала готовить, и хотя бокал с вином все равно появился на столе, в этот раз она не плакала. Она доставала продукты из холодильника и отправляла их на сковородку, не забывая между делом гладить меня и угощать всякими лакомствами. Такой счастливой я ее прежде не видел: она даже напевала себе под нос, и я подумал, не Стив ли придет к нам на ужин? Я радовался за нее, но и волновался тоже.

Наконец кто-то позвонил в дверь, и Клэр кинулась открывать. На пороге стояла женщина ее возраста с цветами и бутылкой вина.

– Привет, Таша, заходи, – улыбнулась моя хозяйка.

– Привет, Клэр. У тебя чудесный дом! – воскликнула Таша, едва вошла.

Гостья разделась, Клэр предложила ей бокал вина и проводила в гостиную, где уже был накрыт стол.

– Ты мой первый настоящий гость в этом доме, – доверительно сообщила Клэр.

«А как же я?» – обиженно подумал я.

– Ну, в таком случае выпьем за это! И добро пожаловать в Лондон. Приятно пообщаться с тобой вне офиса.

– Что, на работе всегда такой дурдом? – спросила Клэр.

– Не то слово! – Таша рассмеялась и сразу мне понравилась.

Я забрался под стол и потерялся о ее ногу. Гостья в ответ пощекотала кончик моего хвоста, чем окончательно к себе расположила. Я хотел, чтобы Клэр и Таша подружились, ведь тогда Таша станет и моим другом тоже!

В любом случае визит коллеги пошел Клэр на пользу: она нормально поела, и я подумал, что, может быть, ее хандра начала отступать. Когда горе по Агнес утихло, ко мне тоже вернулся аппетит. Вдруг мы с Клэр в этом отношении похожи?

– Так что привело тебя в Лондон? – поинтересовалась Таша.

– Долгая история, – ответила Клэр, разливая вино по бокалам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.